

LITERATUROZNAWSTWO I KULTUROZNAWSTWO

Александр Лаврентьев, Анастасия Преображенская
Москва, Национальный исследовательский университет
„Высшая школа экономики“

СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ: „ФИНАНСОВЫЙ ПОРТРЕТ“

Simeon of Polotsk: the „Financial Portrait“

ABSTRACT: The study looks into the wealth and earnings of the first Russian court poet of the 17th century, Simeon of Polotsk (1629-1680). Simeon was in many respects a unique figure for 17th-century Muscovy. His social status was far from common for besides being a regular hieromonk, at the same time he founded and managed a printing house supported by Tsar Aleksey Mikhajlovich (an institution that printed books without the license of the Moscow patriarch), and was probably the only monk to be accepted to the Tsar's service as a poet and preacher. His private life and especially fortune are fascinating: residing in a house specially built for him on the territory of the Zaikonospasskiy monastery in Moscow, Simeon earned his living rather than live by the means provided by his monastery and by the end of life he had accumulated a great sum of Russian silver *kopeks* and golden *chervonets* comparable in worth to the money princes would have had for charitable donations at their funerals. When living in Moscow, Simeon received everything needed for his everyday life from the Tsar's court: food, hay for his horse (provided by the Tsar as well), paper for writing. The supplement to the article discusses the date of Simeon's relocation to Moscow from Polotsk and examines the circumstances under which he was accepted to the royal court.

KEYWORDS: Simeon of Polotsk, poet, last will, roubles, chervonets

„Ничего не имею; много должен;
остальное – бедным“.

Н.М. Карамзин,
Письма русского путешественника

Обширная исследовательская литература, посвященная жизни и творчеству Симеона Полоцкого, в миру Самуила Петровского-Ситняновича (1629, Полоцк (?) – 1680, Москва), закономерным образом отражает огромный вклад выдающегося деятеля восточнославянского барокко в культурную жизнь своего времени¹. «Первый придворный поэт», «первый придворный проповедник», «первый московский профессиональный писатель» (расхожие эпитеты, сопровождающие имя Симеона в публикациях) окончил свой земной путь в Москве «весьма состоятельным человеком»². Как представляется, обтекаемое определение «весьма» можно попытаться конкретизировать.

С этим же связан и другой вопрос, об источниках благосостояния поэта в России. В историографии ответ на него уже дан: царские «милости» и пожалования за литературно-поэтические и драматургические труды, а также педагогическую деятельность³. Наличие таковых несомненно, однако порядок денежных сумм, которыми распоряжался поэт в Москве, заставляет усомниться в том, что все этим и ограничивалось. Вывод о материальном благополучии Симеона делается на основе его духовной грамоты (1679 г.). Документ впервые был процитирован в его ключевой для нашей темы части одним из самых компетентных биографов поэта, И.А. Татарским: «На вся же раздаяния обретается у мене денег готовых. Червонных золотых шестьсот, копейками рублевь семь соть. Особно росхожих мешек не целый выняль из него рублевь четыредесять»⁴.

Полная публикация текста завещания дала возможность выяснить, что суммарно «раздаяния», скрупулезно расписанные в документе по адресам будущих получателей, составляют 765 «золотых червонных», а не 600, как заявлено во фразе, подводящей итог финансовой распорядительной части завещания⁵. Что же до рублевых сумм, то точный подсчет как общей суммы, предназначенной для раздачи, так и «готовой» – то есть наличной – суммы здесь невозможен, и 700 рублей завещания – цифра очевидным образом лишь приблизительная, если не заниженная⁶. Помимо

¹ Д. Буланин, А. Романова, *Симеон Полоцкий (библиография)*, [в:] *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, Санкт-Петербург 1998, вып. 3 (XVII в.), ч. 3 (П-С), с. 372-379.

² А. Панченко, *Симеон Полоцкий*, [в:] *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, Санкт-Петербург 1998, вып. 3 (XVII в.), ч. 3 (П-С), с. 368-370.

³ Л.И. Сазонова, *Литературная культура России. Раннее Новое время*, Москва 2006, с. 52; И. Еремин, *Симеон Полоцкий – поэт и драматург*, [в:] *Симеон Полоцкий. Избранные сочинения*, Москва – Ленинград 1953, с. 226; И.Е. Забелин, *Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях*, Москва 1915, т. 1, ч. 2, с. 186-187.

⁴ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века*, Москва 1886, с. 325.

⁵ А. Преображенская, „Прежде смерти наипаче внезапных и напрасных”: духовная грамота Симеона Полоцкого, „Древняя Русь. Вопросы медиевистики” 2015, № 2 (60), с. 122-124.

⁶ На приблизительность цифры указывает как будто количественно-аппроксимативная конструкция фразы: „копейками рублевь семь соть” (об аппроксимативной инверсии в конструкциях с числительными см. например В. Птенцова, *Эволюция конструкций со значением приблизительного количества в древнерусском и старорусском языке*, [в:] *Славянское языковедие. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20-27 августа 2018 г. Доклады российской*

наличных денег у Симеона имелся еще некий «мешек нецелый», из которых он вынул примерно 40 рублей. Нужно сказать, что точность цифр в современном понимании в духовных грамотах XVII в. как правило отсутствует: это связано с тем, что документ предназначался узкому кругу посвященных лиц, и прежде всего распорядителям, хорошо знакомым с жизнью завещателя и его финансами. Тем не менее, в дальнейшем прием суммы в 700 рублей и 600 золотых за минимально возможные.

Итак, накопленные к концу жизни деньги Симеон хранил в двух «валютах»⁷. Первая – «золотые червонные», европейские дукаты, в массовом порядке ввозившиеся в Россию в XVII в.⁸. Их получателями, за двумя исключениями⁹ согласно завещанию, были православные монастыри Речи Посполитой (условно Полоцкой епархии) и входившей в состав Российского государства Левобережной Украины. На территории последней и после вхождения ее «под государеву руку» сохранялось обращение польских и западноевропейских денег, а в пору жизни Симеона в Москве, в 70-х гг. XVII в. иностранные деньги имели в «Малой России» вполне легальное хождение¹⁰.

делегации, Москва 2018, с. 412-413). В духовных грамотах и тестамах светских и духовных лиц с территорий Речи Посполитой (с чьей завещательной традицией Симеон Полоцкий был хорошо знаком) и России XVII в. завещание несчитанных денег не является редкостью: „U dzisiejszego też JMP dobrzyńskiego primarie na zapis mam jedenaście złotych cum provisione, potem sto złotych na rekognicją i potem różnych ekspens kilkaset złotych” (P. Klint, *Testamenty szlacheckie z ksiąg grodzkich wielkopolskich z lat 1657-1680*, Wrocław 2011, s. 165-166). Беглый анализ таких конструкций в других завещаниях (например, в завещании матери Симеона пани Шеремет, см. С. Гордеев, *Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя*, „Славяноведение” 1999, № 2, с. 45; в завещании епископа Владимирского Иоакима Мороховского 1631 г., см. *Архив Юго-Западной России*, Киев 1883, ч. 1, т. 6, с. 626) показало, что подобная инверсия часто встречается в югозападном русском языке и по-видимому не имеет в нем аппроксимативного значения. Наличие инверсивной конструкции в распорядительной, самой деловой части духовной грамоты могло появиться под влиянием распространенного жанра инвентарей, в которых в два столбика указывались сначала предмет, а затем его количество (в великорусских росписях конструкции с инверсией встречаются нечасто, см. *Акты, относящиеся до юридического быта Древней Руси*, Санкт-Петербург 1884, т. 3, с. 184, 187).

⁷ В духовной грамоте Симеона упоминается и третья валюта, ефимки, западноевропейские серебряные талеры. В них у Симеона иеромонах хранились деньги некоего Филипа Тарасова (см. л. 14об.), надо полагать, изначально поступившие на хранение именно в этой монете.

⁸ И. Ширяков, *Русские названия золотых монет в XV-XVII вв.: обобщенные данные*, [в:] *Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове 22-26 апреля 1996 г. Тезисы докладов*, Москва 1996, с. 98-99. Как отмечает автор, уже со второй половины XVI в. русские документы, как правило, не указывают страну чеканки „золотых”.

⁹ В московский Николо-Греческий предназначался вклад в червонных золотых, и архимандриту Саввино-Сторожевского монастыря Сильвестру также завещалось 10 червонных золотых.

¹⁰ С. Зверев, *Особенности денежного обращения на Юго-Западе Русского государства во второй половине XVII в.*, [в:] *Народ и власть: исторические источники и методы исследования. Материалы XVI научной конференции. Москва, 30-31 января 2004 г.*, Москва 2004, с. 188-191.

В России, напротив, иностранные червонные золотые в качестве платежного средства не использовались, золотая ходячая монета вообще не чеканилась и оборота, за исключением короткого периода 1610-1613 гг., когда, принужденные обстоятельствами Смуты, российские власти чеканили из золота копейки, вплоть до эпохи Петра не имела¹¹.

Вторая «валюта» духовной Симеона Полоцкого – ходячие русские серебряные деньги, предназначенные, в отличие от червонных золотых, в основном для раздачи, за единственным исключением (рублевый вклад предназначался в Витебский Марков монастырь), в России. Заметим, что в завещании в качестве накопленных денег показаны только копейки, хотя в денежном обращении Московского государства этого времени ходячая монета была представлена тремя номиналами – собственно копеейкой и ее фракциями, денгой (1/2 копейки) и полушкой (1/4 копейки)¹².

Трудно представить любое московское домохозяйство времени Симеона Полоцкого, в котором обращались бы исключительно копейки. В колоссальной казне царского дяди, боярина Н.И. Романова, скончавшегося в 1656 г., серебряная ходячая монета общей суммой в двадцать с лишним тысяч рублей хранилась во множестве сундуков и коробок, и в каждой из них присутствовали не только копейки, но и «денги»¹³.

Так что из трех номиналов ходячих денег завещателем, надо понимать, целенаправленно отбирался только один, копейка. Что же до «золотых червонных», то их приобретение в России во времена Симеона представляло, похоже, известную проблему.

А золотые все [...] которые привезут из-за моря, у города Архангельского и в Новгороде, и во Пскове и во всех порубежных городех отдавать [...] в казну великого государя, приняв у иноземцев. А имать за них деньги русские мелкие за золотой по рублю [...]. А буде хто в таможене золотых [...] своих не объявит, и про то ведомо учинитца, и на нем взять пеню от всякого ста золотых [...] по 10,

– гласил утвержденный в 1667 г. Новоторговый устав¹⁴.

Как видим, таможенный кодекс как будто бы исключал свободную продажу иностранных золотых монет, которые все должны были поступать посредством

¹¹ И. Спасский, „Золотые” – воинские награды в допетровской Руси, [в:] И. Спасский, *Русское золото. Сборник избранных статей*, Санкт-Петербург 2013, с. 188.

¹² И. Спасский, *Деньги и денежное хозяйство*, [в:] *Очерки русской культуры XVIII в.*, Москва 1979, ч. 1, с. 161-162.

¹³ *Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова и дачи по нем на помин души*, [в:] *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете*, Москва 1887, кн. 3, с. 67-68.

¹⁴ 1667 г., апреля 22. *Новоторговый устав*, [в:] *Памятники русского права*, Москва 1963, вып. 7, с. 317.

централизованных закупок в государственную казну. В весьма представительном перечне товаров, предлагаемых к продаже во второй половине XVII в. на крупнейшем рынке России, московском «золотые червонные» действительно не фигурируют¹⁵. При этом, не очень понятным путем «золотые» попадали из казны, например, в распоряжение приказных ведомств.

В 1672 г. в Посольском приказе шла работа над изготовлением роскошной рукописной Книги об избрании на царство царя Михаила Федоровича. Иконописцы подали смету на краски «к строенью той книги», в том числе на сусальное золото («золота красного 1000 листов»). Глава приказа боярин А.С. Матвеев указал «все то купить опричь золота; а [...] золото взять из Новгородского приказу золотые, а чтоб зделали из золотого по сто по двадцать листов»¹⁶. В ходе подготовки Первого Крымского похода (1687 г.) в пограничный с Речью Посполитой Севск для закупки польских «чехов», которыми выплачивалось жалование армии, из Москвы Приказ Большой казны отправил 10000 золотых червонных¹⁷. Из него же двадцатью годами ранее на закупки «на государево имя» в Персии было выделено 3000 золотых¹⁸.

Вопрос о купле-продаже в России XVII в. «золотых червонных» далеко выходит за рамки нашей темы. Отметим только, что и до принятия в 1667 г. Новоторгового устава, и позже они были предметом частной торговли. «Купцы привозят (в Россию – А. Л., А. П.) [...] великое множество дукатов, каковые покупаются и продаются, как и прочие товары», – отмечал в начале столетия Ж. Маржерет¹⁹, а в 1678 г., например, плотник посольства Речи Посполитой смог «наменять» в Москве «немалое количество золотых»²⁰.

Что же до возможного приобретения Симеоном «золотых червонных» в качестве государева пожалования, то известен единственный случай пожалования золотыми церковных иерархов²¹; обычно духовенству жаловались

¹⁵ Д.И. Тверская, *Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка*, Москва 1950, с. 54-55.

¹⁶ *Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией*, Санкт-Петербург 1851, т. 6, с. 192.

¹⁷ С. Зверев, *Обмен золотых червонных для финансирования Первого Крымского похода*, [в:] *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Паушто; IV чтения памяти А.А. Зимина*. Москва, 19-22 апреля 2005 г., Москва 2005, ч. 2, с. 311-313; Он же, *Финансовое обеспечение Первого Крымского похода 1687 г.*, [в:] *Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти акад. Л.В. Черепнина*, Москва 2010, с. 921.

¹⁸ И.Я. Гурлянд, *Приказ великого государя Тайных дел*, Ярославль 1902, с. 193.

¹⁹ *Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты. Комментарии. Статьи)*, Москва 2007, с. 143.

²⁰ Б. Таннер, *Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году*, Москва 2019, с. 194.

²¹ *Дворцовые разряды*, Санкт-Петербург 1852, т. 3, стб. 1068.

ткани, кубки и соболя²², точно так же, как и светским придворным чинам²³. Те царские пожалования Симеону, что известны, никогда не включали золотые²⁴. Так что быть полученными иеромонахом прямо, в денежном «жаловании» (о нем ниже), либо в пожалованиях по тем или иным случаям, они, скорее всего, не могли. Следовательно, речь надо вести о целенаправленной покупке Симеоном Полоцким червонных золотых.

Какая-то часть иностранных золотых монет в продажу действительно поступала. Источники сообщают о наличии «золотых» в руках частных владельцев в XVI в., а в XVII в. «золотые», например, неоднократно подносились царю Михаилу Федоровичу его подданными, купечеством и посадскими людьми, и не только таких богатых торгово-ремесленных центров как Москва, Нижний Новгород, Псков или Новгород²⁵, но и далеких северных Каргополя и Кайгорода²⁶ (суммы колеблются от 10 до 50 «золотых»), не говоря уже о богатейших промышленниках Строгановых (100 «золотых»)²⁷.

Крупные суммы «золотых» могли быть в распоряжении, например, даже крестьян. В 1667 г. с вдовы жителя московской Казенной слободы самозванные кредиторы пытались получить 400 «золотых», якобы занятых ее покойным мужем у крестьянина Ферапонтова монастыря. Дело рассматривалось в Приказе Тайных дел, причем сам факт наличия столь крупной суммы «золотых» в крестьянском владении и далеко в провинции у властей никаких эмоций не вызвал²⁸.

В Москве «золотые», как правило, упоминаются в связи с финансами столичной аристократии. «Послал я [...] тебе с людьми своими [...] тритцать золотых червонных [...] родители наши поминать», – писал в середине XVII в. вологодскому архиепископу Маркеллу боярин князь Д.П. Львов²⁹. «Семь сот пятнатцать золотых двойных да семь португалов, а в них по десяти золотых, и всего тысяча пятьсот золотых угорских» было куплено в 1622 г. для царя Михаила Федоровича у боярина Ф.И. Мстиславского³⁰. После кончины бездетного дяди царя Алексея Михайловича, боярина Н.И. Романова, из его дома на Никитской улице «к государю в верх» было «внесено» 1079 червонных золотых³¹.

Так что, констатируя наличие золотых и в столице, и в провинции, и у боярской аристократии, и у провинциального городского патрициата, и даже

²² Там же, стб. 659, 704, 708, 711, 734, 760, 762, 777, 831-832.

²³ Там же, стб. 881-882.

²⁴ См. *Дополнения к тому 3-му дворцовых разрядов*, Санкт-Петербург 1854, стб. 474; *Дела Тайного приказа*, [в:] *Российская историческая библиотека*, Санкт-Петербург 1907, т. 21, стб. 1220.

²⁵ И.Е. Забелин, *Дополнения к Дворцовым разрядам*, Москва 1882, ч. 1, стб. 26-27, 564-565, 572, 591.

²⁶ Там же, стб. 7, 596.

²⁷ Там же, стб. 611.

²⁸ И.Я. Гурлянд, *Приказ...*, с. 360-361.

²⁹ *Грамотки XVII – начала XVIII вв.*, Москва 1969, с. 284.

³⁰ И.Е. Забелин, *Дополнения...*, стб. 323.

³¹ *Роспись всяким вещам...*, с. 120.

у крестьян, естественно предположить, что какой-то рынок по купле-продаже золотых в России все-таки существовал. Иначе объяснить появление их, в том числе у Симеона Полоцкого, невозможно.

В связи с наличием двух «валют» в завещании, интересно, как соотносились в цене рубли и червонные золотые. Неравноценный рыночный курс золотого к рублю, 1:1,20, существовал, очевидно, только на Левобережной Украине³², хотя и входившей в состав Российского государства, но, как уже отмечалось, сохранившей денежное обращение, унаследованное от Речи Посполитой. В России же в первой половине XVII в. курс рубля к золотому был ниже на 10%, а к моменту приезда Симона Полоцкого и позднее, вплоть до конца XVII столетия, стал паритетным. В 1622 г. соотношение выглядело как «30 алтын золотой угорской»³³, т. е. 90 копеек к одному золотому, и почти таким же, 93 копейки, оно зафиксировано в 1645 г. («по 32 алтын за золотой»)³⁴. Однако побывавший в России три десятилетия спустя, в 1671-1673 гг., голштинiec Яков Рейтенфельс отмечал уже, что «сто копеек составляют рубль, равняющийся [...] червонцу»³⁵. В 1698 г. царь Петр указывал «платить [...] золотые [...] по 100 копеек золотой»³⁶.

Итак, деньги, завещанные Симеоном Полоцким, содержали приблизительно одинаковые суммы в рублях и золотых. Смысл накопления Симеоном завещательных денег в двух валютах понятен. Получатели будущих «даяний», православные монастыри Восточной Европы, были разделены, в данном случае, не столько государственными границами, сколько зонами действия двух разных денежных систем. Но не менее интересна и общая сумма, завещанная Симеоном на «дачи», в рублевом эквиваленте равная 1500-1600 р. На самом деле, много это или мало по московским меркам?

Выразительные результаты дает сравнение ее с деньгами на помин души духовных грамот бояр – современников иеромонаха, самой состоятельной и численно небольшой прослойкой столичной аристократии. Разумеется, тут не существовало усредненных сумм. Князь М.М. Темкин-Ростовский, например, оставил на помин души «серебряных денег 1300, медных 250 р., да серебряных же денег 6000 р.», Ф.И. Шереметев завещал в духовной «поминок сорокоусты на 300 церковей 3000 р., 330 на отпевание, людям и милостыни 2000 р.». При этом у князя Ю.А. Сулешева на похороны было отложено 1500 р., столько же оставила на те же цели боярская вдова, княгиня В.Г. Волконская, князь В.Г. Ромодановский ограничился 1250 р.³⁷.

³² М.Ф. Котляр, *Нариси історії обігу й лічби монет на Україні*, Київ 1981, с. 239.

³³ И.Е. Забелин, *Дополнения...*, стб. 323.

³⁴ *Донские дела...*, с. 635.

³⁵ Я. Рейтенфельс, *Сказание о Московии*, [в:] *Утверждение династии*, Москва 1997, с. 340.

³⁶ *Письма и бумаги императора Петра Великого*, Санкт-Петербург 1887, т. 1, с. 246.

³⁷ О. Кошелева, *„Отходя от света сего...”. Частная жизнь московской элиты XVIII века через призму завещаний*, [в:] *Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени*, Москва 2000, с. 366-367.

Сопоставима сумма завещанных Симеоном Полоцким денег и с ценами на московскую «элитную недвижимость» его времени. Каменный дом боярина Н.И. Романова в Москве между улицами Никитской и Арбатом после его смерти был выкуплен боярином Б.М. Хитрово за 1600 р., другой, на Дмитровке, за 3600 р.³⁸. Боярин князь Н.И. Одоевский за 5000 р. приобрел каменные палаты скончавшегося боярина Ф.И. Шереметева, одни в Кремле и другие на Тверской улице³⁹. На строительство в 1641-1644 гг. каменных стен подмосковного Новоспасского монастыря было «по смете казны издержано 1266 рублей»⁴⁰.

Хорошо осознавая хаотичность приведенных выше примеров, тем не менее, заметим, что денежные суммы в завещании Симеона Полоцкого выглядят и на самом деле внушительно. При этом надо учитывать колоссальную разницу в социальном положении бояр и иеромонаха, которая обязательно должна была воплощаться, и воплощалась, в том числе и в неравенстве имущественном.

В Россию Симеон прибыл человеком явно небогатым, более того искал в переезде в Москву выхода из бедности⁴¹. При этом доходов от земельных владений, как российское боярство, или торговых операций, как городской патрициат, «нововыезжий» иметь, разумеется, не мог. Так что общая сумма условно в 1500-1600 рублей, была собрана завещателем в ходе иноческой жизни в Москве. Таким образом, основным источником материального благополучия поэта должно было стать только «государево жалование».

О специфическом социальном статусе Симеона Полоцкого в России, формально монашеского лица, по сути едва ли не царедворца, известно. И как всякий придворный чин, иеромонах обеспечивался, не будучи им, государевым пожалованием. У светской верхушки московского общества оно состояло из денежного содержания и земельных «дач», соответствовавших позиции жалуемого в придворной иерархии⁴². Однако Симеон в этом отношении занял беспрецедентную позицию в московском обществе. Он, естественно, не мог быть жалует земельными угодьями, не только в силу монашеского сана, но и потому, что не принадлежал к дворянству. В историографии небезосновательно утвердилось мнение, что «все содержание его с самого начала было отнесено на счет двора», вследствие чего «его домашняя обстановка была совершенно обеспеченная»⁴³.

³⁸ О. Кошелева, „Отходя от света сего...“, с. 197.

³⁹ *Духовная боярина Н.И. Одоевского 1689 г.*, „Известия Русского генеалогического общества“ 1911, № 4, с. 379-391.

⁴⁰ Цит. по: М.Н. Тихомиров, *Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы*, Москва 1952, с. 148.

⁴¹ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 65-66, прим. 5.

⁴² Подробнее см.: М.П. Лукичев, *Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению*, Москва 2004, с. 109-119. Авторам встретился единственный случай пожалования, наряду с земельным и денежным, „годовым хлебным жалованием“ члена Боярской Думы, думного дворянина Г.М. Оничкова (И.Я. Гурлянд, *Приказ...*, с. 121, 357).

⁴³ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 65-66, 204-205.

Что до «денежного корма», то его сумма фигурирует в документах иеромонаха один раз, в челобитной, поданной Симеоном «на царево имя» в августе 1670 г.:

Пожалован я [...] денежным кормом по 5 алтын в день, и то [...] жалованье по [...] государеву указу и по памяти Большого дворца давано мне [...] из Большого приходу до нынешнего 178 году [...] Пожалуй мене [...] вели мне тот корм денежный по-прежнему давать⁴⁴.

В годовом исчислении «денежный корм» Симеона Полоцкого составлял 54 рубля и был сопоставим с окладами низших придворных чинов – стольников⁴⁵.

Обратим внимание на те приказные ведомства, через которое Симеоноу выплачивался «денежный корм»: память, т. е. письменное распоряжение о «даче», исходила из Приказа Большого дворца, сами же деньги давались из Приказа Большого прихода. Схема представляется требующей объяснения.

Приказ Большого дворца был центральным ведомством, управлявшим дворцовыми землями, отвечавшим за поставки продукции «на государев двор», строительство и ремонт дворцовых помещений и царских усадеб, и многое другое, так или иначе связанное с обеспечением особы монарха и его семьи⁴⁶.

Ведомство с богатейшим в России бюджетом, не менее 125 тысяч рублей, который тратился на разнообразные «росходы»⁴⁷, в число которых содержание иеромонаха по понятным причинам не входило.

Приходные суммы другого Приказа, Большого Прихода, были несопоставимо скромнее, всего 50000 рублей, но именно из них оплачивался «денежный корм» поэта. Приказные средства целенаправленно шли на содержание в России иностранцев: дипломатов («окрестных государств послы»), духовенства («греческие власти»), купечества («греческие и персидские купецкие люди»), военных специалистов на русской службе и пр.; а также на финансирование русских дипломатических миссий, отправлявшихся за границей и иностранных в России⁴⁸.

Материальное обеспечение Симеона в России исходило из того же приказного ведомства, которое финансировало пребывание иностранных дипломатов в России⁴⁹ и строилось по той же схеме, но с той существенной разницей, что послы, посланники и гонцы приезжали в Москву «из окрестных государств» на месяцы, максимум год, иеромонах же прожил в России шестнадцать лет.

⁴⁴ Письма Симеона Полоцкого, „Вестник Европы” 1828, ч. 162 (сентябрь и октябрь), с. 38-39.

⁴⁵ Боярская книга 1658 г., Москва 2004, с. 24.

⁴⁶ Д.В. Лисейцев, Н.М. Рогожин, Ю.М. Эскин, *Приказы Московского государства XVI-XVII вв. Словарь – справочник*, Москва, Санкт-Петербург 2015, с. 37-38.

⁴⁷ Г.К. Котошихин, *О России в царствование Алексея Михайловича*, Санкт-Петербург 1906, с. 88-89 [Изд. 4].

⁴⁸ Там же, с. 106.

⁴⁹ Л.А. Юзефович, *Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV – первая половина XVII в.*, Санкт-Петербург 2007, с. 108-115.

Итак, кроме денежного содержания существенным источником материального благополучия поэта было, как и у иноземных послов, отсутствие забот о таких затратных областях столичной жизни, как жилье, продукты питания и транспорт: «Вскоре по [...] приезде последовал особый указ государя, определивший место жительства его», московский Заиконоспасский монастырь на Никольской улице, обитель бедную и не имевшую вотчин ни в момент «выезда» Симеона «к Москве»⁵⁰, ни позднее⁵¹. Следовательно, за счет монастырских доходов содержать иеромонаха не предполагалось изначально.

В 1664-65 г. в монастырь царским указом было выдано 170 р. к «хоромному строению», и в «хоромах» надлежало «учитца по латиням» всего трем подьячим, причем один из них, Сильвестр Медведев, должен был жить там же⁵². Судя по всему, эти «хоромы» иеромонах занимал вплоть до своей кончины⁵³. Кроме самого Симеона там же обитала и его прислуга, родственники, выехавшие вслед за ним вскоре в Москву – не менее семи человек жили в них вплоть до кончины иеромонаха⁵⁴. Так что от трат на жилье Симеон был избавлен до конца жизни, причем за казенный счет «келья» как минимум один раз даже ремонтировалась⁵⁵. Каков был ее статус? Похоже, она не входила в число собственно монастырских построек.

Что касается «домовых потреб», продуктов питания, которыми, повторимся, чины двора не жаловались, то Симеон, наоборот, был их получателем, «*государево жалование мед пресный за 6 месяцев*»⁵⁶ (объем не указан), на год «*великого государя жалованье [...] муки пшеницы две четверти, а ржаная 8 четвертей*» и на месяц «*8 [...] масла коровья*»⁵⁷ (курсив наш – А. Л., А. П.). Кроме «продуктов натурою» выдавались еще и дрова из «государеваго дровяного двора»; поэт имел собственный выезд, и сено для лошадей «получалось из лугов коломенских, а овес из двора житного»⁵⁸.

Учреждениями, обеспечивавшими поэта всем необходимым, были так называемые «дворы царские»: Сытенный двор, «где питие держат» – оттуда поступал «мед пресный», Кормовой, в ведении которого находился «коровий двор» – «масло коровье», Хлебенный – источник поступления муки, Конюшенный –

⁵⁰ А. Ковалев, *Историческое описание Ставропигиального второклассного Заиконоспасского монастыря в Москве на Никольской улице*, Москва 1887, с. 14.

⁵¹ *Владения и крепостные крестьяне Русской церкви в конце XVII века*, Москва 1988, с. 24-26.

⁵² И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 69-70; *Приходо-расходные книги приказа Тайных дел*, [в:] *Дела Тайного приказа*, Санкт-Петербург 1904, кн. 3, стб. 638, 649.

⁵³ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 203.

⁵⁴ А. Преображенская, „*Прежде смерти...*“, с. 125-126. Любопытно, что на 1668-1669 гг. братии в монастыре числилось всего 16 человек. См. *Приходо-расходные книги...*, стб. 1015.

⁵⁵ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 65, 308-309.

⁵⁶ Там же, с. 205.

⁵⁷ Там же, с. 206. В публикации мера масла пропущена.

⁵⁸ Там же, с. 205.

сена и Житенный – овса⁵⁹. Коломенские луга находились на землях дворцовой Коломенской волости, крестьяне которой обеспечивали «государев обиход» всякими припасами⁶⁰. Все «государевы дворы» управлялись тем же ведомством, из которого Симеон получал распоряжение Большому Приходу о «денежном корме», Приказом Большой казны⁶¹.

Утверждение авторитетного биографа Симеона о его полном обеспечении «от казны» все-таки требует существенной оговорки. В сохранившихся документах в качестве объекта пожалования указаны мука, мед и масло и нет, например, ни мяса, ни рыбы, ни иных кроме меда «питий», нет ничего об одежде, свечах и явно имевшихся иных «домовых потребах» поэта и проживавших вместе с ним родственников и дворни.

Возможно, дело в том, что выше цитированные документы с «материальными» просьбами – стандартные по форме челобитные о жаловании, подававшиеся обычно всеми государственными служащими один-два раза в год. Перед нами, скорее всего, единичные сохранившиеся в архиве поэта тексты челобитных (оригиналы подавались в соответствующие приказы), но на самом деле, если жалование всех видов давалось регулярно, их должно было быть много больше. Сам податель уверял в 1676 г. царя Федора Алексеевича, что в правление его отца он был «чрез лет тринадцать нескудно питан»⁶². 1663 г. как год начала «нескудного питания» – год «выезда» иеромонаха в Россию (см. Приложение).

Разумеется, доходы Симеона не исчислялись только денежным и иным содержанием – он жаловался от государя тканями и мехами, иногда на суммы, превосходившие годовой оклад⁶³. Тем не менее, такого рода разовые дачи вряд ли могли стать постоянным и надежным источником пополнения казны.

Существенно, что, судя по состоянию финансов иеромонаха на год кончины, расходная часть бюджета Симеона Полоцкого явно была значительно меньше доходной. Как замечено, близость к кормилу власти давала, например, боярству, «огромные доходы, но требовала и не меньших расходов», свидетельством чему были «колоссальные денежные долги, остававшиеся после смерти наиболее богатых лиц» – пункт, надо сказать, совершенно стандартный в завещательной практике XVII в.⁶⁴. У Симеона с расходами все обстояло благополучно, в его духовной не указан ни один заимодавец, которому надлежало бы вернуть долг после кончины.

Если допустить, что «корм» и прочие житейские «потребы» поэта включали не только вышеперечисленное, но и, например, не упоминаемую в сохранившихся челобитных одежду, а «денежный корм» регулярно «жаловался» с 1663 г. и не тратился в течение следующих семнадцати лет вообще, то 54 рубля

⁵⁹ Г.К. Котошихин, *О России в царствование...*, с. 74, 79, 81-83.

⁶⁰ В.Е. Суздальев, *Очерки истории Коломенского*, Москва 2008, с. 63, 65-68.

⁶¹ Г.К. Котошихин, *О России в царствование...*, с. 88.

⁶² Цит. по: И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 65.

⁶³ И.Е. Забелин, *Дополнения...*, с. 186-187.

⁶⁴ О. Кошелева, „Отходя от света сего...”, с. 194-198.

в год составили бы только 918 рублей, а не 1500-1600. Откуда же взялась вторая ее часть, позволившая Симеону накопить сумму в рублях для покупки более 700 золотых червонных?

Приезд полоцкого старца в Москву был «самовольным», как полагал А.Н. Робинсон, шагом⁶⁵. Но в челобитных на царское имя сам иеромонах характеризует ситуацию предельно четко: «Живу я [...] на Москве по твоему государеву указу»⁶⁶, что означает вступление в «государеву службу»⁶⁷.

Известно, что «вопрос о приезде иностранцев на русскую службу не отличался от вопроса о пропуске их в Россию. Правила приема на службу были настолько же правилами и пропуска в Россию [...] иностранцев, которых если на службу не принимали, то и в Россию не пропускали»⁶⁸. Так что прибыть «самовольно» Симеон мог только на русское пограничье, в Москве же оказаться – только в статусе «слуги» российского государя.

Если Симеон прибыл в 1663 г. в Москву, то именно в это время иеромонаху должны были быть «сказаны» «государева служба» и «государев корм». Разумеется, и суммы, и конкретное содержание его могли меняться, о чем мы, вероятно, точно никогда не узнаем.

В челобитных Симеона встречается стандартная характеристика службы, «состою у твоих государевых дел», «всякие твои государевы дела делаю»⁶⁹, за «делание» которых Симеон собственно и получал «корма». На самом деле, «службы» иных монашествующих лиц государю, кроме Симеона, в России не известны, а сами занятия поэта были весьма экзотичны и никак не совпадали с обычными обязанностями придворных и приказных чинов («учение» царских детей, руководство едва ли не собственной Типографией, разного рода литературные писания «на случай» и пр.). Однако о первом месте службы, похоже, мы все-таки знаем. Это был Приказ Тайных дел. Сразу оговоримся, что как лицо духовное, в штате приказа Симеон состоять не мог, но и само ведомство, по сути, приказом в полном смысле этого слова не являлось.

По названию одно из пяти с лишним десятков приказных ведомств Российского государства XVII в., Приказ Тайных дел был личной канцелярией царя Алексея Михайловича и прекратил свое существование с кончиной царя в 1676 г.

Первое же упоминание имени Симеона в России указывает на характер дела, порученного иеромонаху, быть переводчиком с латыни при газском митрополите Паисии Лигариде, и «с этого момента он стал нужным при дворе человеком и был взят на дворцовое содержание»⁷⁰.

⁶⁵ А.Н. Робинсон, *Борьба идей в русской литературе XVII века*, Москва 1974, с. 43.

⁶⁶ *Письма Симеона Полоцкого...*, с. 37, 39-40.

⁶⁷ Ср. напр.: О. Скобелкин, *Прием „выходцев на государево имя” в XVI-XVII века*, [В:] *Иноземцы в России в XV-XVII веках. Сборник материалов конференций 2002-2004 гг.*, Москва 2006, с. 8.

⁶⁸ А.С. Мулюкин, *Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII вв.*, Санкт-Петербург 1909, с. 110.

⁶⁹ Цит. по: И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 115.

⁷⁰ А. Панченко, *Симеон Полоцкий...*, с. 366.

И.А. Татарский охарактеризовал занятия Симеона как «царский толмач»⁷¹, но, строго говоря, такой должности существовать не могло. Функции толмачей-переводчиков-синхронистов в России исполняли служащие Посольского приказа, при котором имелся штат профессионалов. Посольские переводчики «толмачили» царю как речи дипломатов, так и регулярно приезжавшего в Москву православного духовенства с Востока⁷². Тем не менее, Алексей Михайлович действительно воспользовался услугами Симеона как личного переводчика с латыни⁷³. И толмачество было, надо понимать, организационно связано с Приказом тайных дел.

Летом 1665 г. в Заиконоспасском монастыре открылась небольшая школа, в которой надлежало «учитца по латиням» трем подьячим, приказа Тайных дел Семену Медведеву и «дворцовым» Семену и Илье Казанцам⁷⁴. И.А. Татарский полагал целью создания этого «мини-училища» «потребность к просвещению»⁷⁵, Н.Ф. Демидова полагала, что ее целью была подготовка «высшего разряда приказных»⁷⁶. Но, как представляется, цели могли быть и более прозаическими. Латынь, как известно, была языком русской дипломатии⁷⁷. Но, кроме посольских чинов в дипломатической жизни участвовали и подьячие Приказа Тайных дел, посылавшиеся за рубеж при миссиях с надзорными целями («послы много чинят не к чести своему государю [...] в разговорных речех [...] и те подьячие над послы [...] подсматривают и царю, приехав, сказывают»⁷⁸). «Едва ли можно сомневаться, – констатировал И.Я. Гурлянд, – что [...] царь ждал от них [...] оценки деятельности тех лиц, с которыми им пришлось видеться»⁷⁹. Возможно, предполагалось, что ученики Симеона смогут докладывать в будущем не только информацию о русских участниках переговоров, но и их западных партнерах. Таким образом, финансовое положение и материальное благополучие Симеона было, очевидно, связано, во всяком случае, в правление Алексея Михайловича, с деятельностью личной царской канцелярии.

Одно распоряжение из духовной грамоты, однако, Симеона выглядит так, что можно подозревать поэта в наличие такого источника дохода, как ростовщиче-

⁷¹ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 64.

⁷² А.В. Беляков, *Служащие Посольского приказа. 1645-82 гг.*, Санкт-Петербург 2017, с. 93-119.

⁷³ „Лета 1664 декабря 18 [...] я позван был в присутствии его царского величества для перевода латыни славнейшего отца Паисия митрополита Газского” (Цит. по: И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 76).

⁷⁴ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 69-70.

⁷⁵ Там же, с. 66.

⁷⁶ Н. Демидова, *Приказные школы начального образования в Москве XVII в.*, [в:] *Торговля и предпринимательство в феодальной России (к юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой)*, Москва 1994, с. 155.

⁷⁷ А.В. Беляков, *Служащие...*, с. 113-115 (см. таблицу).

⁷⁸ Г.К. Котошихин, *О России в царствование...*, с. 85.

⁷⁹ И.Я. Гурлянд, *Приказ...*, с. 139.

ские операции: «Заставы аще кия обрящутся у мене, отдавати туне»⁸⁰. «Заставы», или заставные письма – акты о закладе в залог имущества в качестве обеспечения исполнения обязательств⁸¹. Суть «заставы» заключалась в залоге вещи, «с передачей прав владения и пользования кредитору»⁸². Можно предположить, что Симеон ссужал деньги (возможно, в рост, о чем говорит его желание «отдавати туне», то есть беспроцентно) под залог под долговые расписки, «заставные письма», обеспечивавшие возврат должниками долга. В XVI-XVII вв. крупные монастыри часто занимались ростовщичеством, тогда как отдельные монашествующие лица редко вступали в такие финансовые отношения. В приходо-расходных книгах монастырей встречаются упоминания о займах, в которых монашеская корпорация выступала как коллективный заимодавец: «заняли у архимандрита, да у келаря, да у казначея, да у конюшево и у всее братии денег монастырских казенных»⁸³. Так что, если высказанное выше предположение о ростовщичестве как форме дохода Симеона реально, то это единственное, что можно сказать о его «заработках» вне бюджетного финансирования.

О том, что у поэта водились свободные деньги, и немалые, было известно далеко за пределами Москвы. В 1673 г царь женился вторым браком на Наталии Кирилловне Нарышкиной. В связи с предстоящими торжествами тобольский митрополит Корнилий шлет Симеону в Москву просьбу о покупке за его счет подарка новобрачным, «стяжании и куплении даров, достойных благочестивого скипетродержца и его благоверных [...] супруги» с последующим возвращением иеромонаху потраченных денег. Подарки были куплены, но Алексей Михайлович от них отказался, взяв только одну икону, «прочия же дары возвратил есть»⁸⁴.

* * *

Приложение

О дате и обстоятельствах выезда Симеона Полоцкого в Россию

Временем, когда Симеон Полоцкий окончательно переехал на жительство в Москву, обыкновенно признается весна 1664 г., что прямо вытекает из свидетельства его современника и непримиримого оппонента, протопопа Аввакума: «Семенка чернец [...] выехал [...] в одну весну со мною, как я из Сибири выехал»⁸⁵, относимое исследователями именно к этому году⁸⁶.

⁸⁰ А. Преображенская, „Прежде смерти...“, с. 129.

⁸¹ *Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссией для разбора древних актов*, Киев 1911, ч. 8, т. 6, с. 1-4.

⁸² Там же, с. 3.

⁸³ Л.И. Ивина, *Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506-1613 гг.)*, Ленинград 1983, с. 166.

⁸⁴ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 114.

⁸⁵ *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения*, Москва 1960, с. 331.

⁸⁶ В. Мальшев, *Материалы к „Летописи жизни протопопа Аввакума“*, [в:] *Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома. Сборник научных трудов*, Москва, Ленинград

Один из самых компетентных биографов поэта, И.А. Татарский считал, однако, что «выезд» поэта в Россию имел место годом ранее. В июле 1663 г.

по доносу Романа Боборыкина возникло дело о клятве патриарха Никона на царя [...] В числе лиц, посланных для расследования в Воскресенский монастырь, упоминается царский толмач Симеон, переводивший Никону латынь Паисия Лигарида [...] в круг обязанностей которого (царского толмача Симеона – А. Л., А. П.) в первые годы жизни в Москве входило между прочим и толмачество латыни Паисия Лигарида [...] с чем согласуются [...] известия [...] самого Полоцкого“. В итоге, «свидетельства эти указывают на 1663 г. как начальный пункт жизни Симеона Полоцкого в Москве.

– констатировал исследователь⁸⁷.

Таким образом, историография называет две даты «выезда» иеромонаха, 1664 и 1663 г. Какая же из них верна?

Сведения о встрече в Кремле Аввакума и Симеона содержатся только в одном, списке Жития, Прянишниковском⁸⁸ и в нем же ранее по тексту присутствует дата возвращения протопопа из сибирской ссылки в столицу, не 1664, а 1666 г. («и нынешняго 174-го году в великий мясоед взял меня пристав [...] к Москве»⁸⁹). Причем 1666 г. подтверждается, между прочим, хронологическими выкладками, присутствующими в основной редакции Жития.

Так, текст Основной редакции сообщает, что в сибирскую ссылку Аввакум отправился в 1653 г.⁹⁰ и провел в ней полное десятилетие: «десять лет он (воевода Еремей Пашков – А. Л., А. П.) меня мучил»⁹¹.

Время получения в Сибири царского указа об одновременном возвращении жертвы и мучителя в Москву, «перемена ему (Пашкову – А. Л., А. П.) пришла, а мне грамота: велено ехать на Русь»⁹², относится, в таком случае, действительно к 1663, а не 1664 г.

Если учесть, что, по собственным словам протопопа, из «Даур» в Москву он возвращался три года⁹³, то «великий мясоед», время встречи протопопа

1954, с. 296; *История русской литературы X-XVII веков*, Москва 1980, с. 435; А. Панченко, *Симеон Полоцкий...*, с. 365.; Н. Демкова, *Автобиографические записки протопопа Аввакума о встречах и спорах с Симеоном Полоцким*, „Труды отдела древнерусской литературы” 2016, т. 64, с. 413-414.

⁸⁷ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 64-65, 74-75.

⁸⁸ Н.С. Демкова, *Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения)*, Ленинград 1974, с. 107.

⁸⁹ *Житие протопопа Аввакума...*, с. 328.

⁹⁰ Там же, с. 361.

⁹¹ Там же, с. 82.

⁹² Там же, с. 83.

⁹³ Там же, с. 87.

и Симеона Полоцкого в Кремле «у государевой руки» действительно надо отнести к весне не 1664, а 1666 г.

Так что, с одной стороны, синхронное появление бывшего ссыльного протопопа и полоцкого иеромонаха в Москве, о чем сообщает Аввакум – явная ошибка автора. С другой, эта встреча никак не могла иметь место в 1664, а только в 1666 г., когда Симеон уже около трех лет провел на «государевой службе».

Второе, о чем следует сказать в связи с «выездом» Симеона из Полоцка в 1663 г. И.А. Татарский полагал, что мотивом принятия решения об эмиграции стал захват в 1661 г. Полоцка королевской армией, и когда город

был снова занят [...] над православным населением его возникли тем большие угнетения, что в продолжении восьмилетнего пребывания [...] под державою Московского царя⁹⁴ оно (население – А. Л., А. П.) пользовалось особенным покровительством его и чрезвычайными милостями.

При таких обстоятельствах, полагал биограф Симеона, иеромонах непременно подвергся бы «преследованиям со стороны поляков»⁹⁵ и, в таком случае, его выезд напоминает едва ли не поспешное бегство. Версия о захвате Полоцка в 1661 г. королевской армией как причине переезда поэта в Россию прочно прижилась в историографии⁹⁶.

Как кажется, дело обстоит далеко не так печально. Во-первых, русский гарнизон оставался в Полоцке и много позже отъезда Симеона, вплоть до 1667 г., когда по заключенному в этом году Андрусовскому перемирию Россия вернула в состав Речи Посполитой все захваченные ранее белорусские земли, включая Полоцк⁹⁷. После падения в 1661 г. Вильны активные военные действия с обеих сторон прекратились, взаимная усталость от кровопролитной войны подтолкнула противоборствующие стороны к переговорам о мире, открывшимся в 1664 г. и растянувшимися до 1667 г.⁹⁸

Так что ни о каком преследовании, а тем более прямой опасности жизни Симеона в Полоцке в 1663 г. речь как будто бы не шла.

Более того, в том же году из Софийского собора Полоцка в Москву была перенесена чудотворная икона Богоматери (этому событию Симеон посвятил стихи⁹⁹), святыня, историю появления которой предание связывает с «польской королевой»

⁹⁴ Полоцк был взят армией воеводы В.П. Шереметева летом 1654 г. См.: А.Н. Мальцев, *Россия и Белоруссия в середине XVII века*, Москва 1974, с. 51.

⁹⁵ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 61-62.

⁹⁶ И. Еремин, *Симеон Полоцкий...*, с. 255, А. Панченко, *Симеон Полоцкий...*, с. 365.

⁹⁷ Z. Wójcik, *Traktat Andruszowski 1667 i jego geneza*, Warszawa 1959, s. 175, 184, 252.

⁹⁸ А.Н. Мальцев, *Россия и Белоруссия...*, с. 128-131.

⁹⁹ И.А. Татарский, *Симеон Полоцкий...*, с. 61.

Еленой Ивановной, дочерью Ивана III и женой короля польского и великого князя литовского Александра Ягеллона¹⁰⁰.

Последнее было бы вряд ли возможно, вернись Полоцк в 1661 г. в состав Речи Посполитой, когда до прекращения военных действий в Белоруссии и заключения перемирия оставалось еще шесть лет.

References

- Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii, izdavayemyy vremennoy komissiyey dlya razbora drevnikh aktov*, Kiyev 1911, ch. 8, t. 6.
- Belyakov A.V., *Sluzhashchiye Posol'skogo prikaza. 1645-82 gg.*, Sankt-Peterburg 2017.
- Boyarskaya kniga 1658 g.*, Moskva 2004.
- Bulanin D.M., Romanova A.A., *Simeon Polotskiy (bibliografiya)*, [v:] *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*, Sankt-Peterburg 1998, vyp. 3 (XVII v.), ch. 3 (P-S), s. 372-379.
- Dela Taynogo prikaza*, [v:] *Rossiyskaya istoricheskaya biblioteka*, Sankt-Peterburg 1907, t. 21.
- Demidova N.F., *Prikaznyye shkoly nachal'nogo obrazovaniya v Moskve XVII v.*, [v:] *Torgovlya i predprinimatel'stvo v feodal'noy Rossii (k yubileyu professora russkoy istorii Niny Borisovny Golikovoy)*, Moskva 1994, s. 152-167.
- Demkova N.S., *Avtobiograficheskiye zapiski protopopa Avvakuma o vstrechakh i sporakh s Simeonom Polotskim*, „Trudy otdela drevnerusskoy literatury” 2016, t. 64, s. 410-419.
- Demkova N.S., *Zhitiye protopopa Avvakuma (tvorcheskaya istoriya proizvedeniya)*, Leningrad 1974.
- Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiyey*, Sankt-Peterburg 1851, t. 6.
- Dopolneniya k tomu 3-mu dvortsovykh razryadov*, Sankt-Peterburg 1854.
- Dukhovnaya boyarina N.I. Odoyevskogo 1689 g.*, „Izvestiya Russkogo genealogicheskogo Obshchestva” 1911, № 4, c. 379-391.
- Dvortsovyye razryady*, Sankt-Peterburg 1852, t. 3.
- Eremin I.P., *Simeon Polotskiy – poet i dramaturg*, [v:] *Simeon Polotskiy. Izbrannyye sochineniya*, Moskva – Leningrad 1953, s. 223-260.
- Gramotki XVII – nachala XVIII vv.*, Moskva 1969.
- Gurlyand I.Ya., *Prikaz velikogo gosudarya Taynykh del*, Yaroslavl' 1902.
- Istoriya russkoy literatury X-XVII vekov*, Moskva 1980.
- Ivina L.I., *Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva. Akty moskovskogo Simonova monastyrya (1506-1613 gg.)*, Leningrad 1983.
- Kotlyar M.F., *Narisi istorii obigu y lichbi monet na Ukraïni*, Kiïv 1981.
- Kotoshikhin G.K., *O Rossii v tsarstvovaniye Alekseya Mikhaylovicha*, Sankt-Peterburg 1906. [Izd. 4]
- Kosheleva O.E., „*Otkhodya ot sveta sego...*”. *Chastnaya zhizn' moskovskoy elity XVII veka cherez prizmu zaveshchaniy*, [v:] *Chelovek v mire chuvstv. Ocherki po istorii chastnoy zhizni v Evrope i nekotorykh stranakh Azii do nachala Novogo vremeni*, Moskva 2000, s. 339-386.

¹⁰⁰ См. о ней: А. Сапунов, Древние иконы Божией Матери в Полоцкой епархии, Витебск 1888, с. 13-15. Авторы глубоко признательны Ю.В. Микульскому за указание на эту публикацию.

- Kovalev A., *Istoricheskoye opisaniye Stavropigial'nogo vtoroklassnogo Zaikonospasskogo monastyrya v Moskve na Nikol'skoy ulitse*, Moskva 1887.
- Liseytshev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Yu.M., *Priказы Moskovskogo gosudarstva XVI-XVII vv. Slovar' – spravochnik*, Moskva, Sankt-Peterburg 2015.
- Mal'tsev A.N., *Rossiya i Belorussiya v seredine XVII veka*, Moskva 1974.
- Malyshev V.I., *Materialy k „Letopisi zhizni protopopa Avvakuma”*, [v:] *Drevnerusskaya knizhnost'. Po materialam Pushkinskogo doma. Sbornik nauchnykh trudov*, Moskva, Leningrad 1954, s. 277-322.
- Mulyukin A.S., *Priyezd inostrantsev v Moskovskoye gosudarstvo. Iz istorii russkogo prava XVI i XVII vv.*, Sankt-Peterburg 1909.
- Novotorgovyy ustav*, [v:] *Pamyatniki russkogo prava*, Moskva 1963, vyp. 7, s. 303-328.
- Panchenko A.M., *Simeon Polotskiy*, [v:] *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*, Sankt-Peterburg 1998, vyp. 3 (XVII v.), ch. 3 (P-S), s. 362-372.
- Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo*, Sankt-Peterburg 1887, t. 1.
- Pis'ma Simeona Polotskogo*, „Vestnik Evropy” 1828, ch. 162 (sentyabr' i oktyabr'), s. 37-47.
- Preobrazhenskaya A.A., „*Prezhde smerti naipache vnezapnyya i naprasnyya*“: *dukhovnaya gramota Simeona Polotskogo*, „Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki” 2015, № 2(60), s. 115-132.
- Prikhodo-raskhodnyye knigi prikaza Taynykh del*, [v:] *Dela Taynogo prikaza*, Sankt-Peterburg 1904, kn. 3.
- Reytenfel's Ya., *Skazaniye o Moskovii*, [v:] *Utverzhdeniye dinastii*, Moskva 1997.
- Rospis' vsyakim veshcham, den'gam i zapasam, chto ostalos' po smerti boyarina Nikity Ivanovicha Romanova i dachi po nem na pomim dushi*, [v:] *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete*, Moskva 1887, kn. 3, otd. I, s. 1-128.
- Sazonova L.I., *Literaturnaya kul'tura Rossii. Ranneye Novoye vremya*, Moskva 2006.
- Sostoyaniye Rossiyskoy imperii. Zh. Marzheret v dokumentakh i issledovaniyakh (Teksty. Kommentarii. Stat'i)*, Moskva 2007.
- Spasskiy I.G., *Den'gi i denezhnoye khozyaystvo*, [v:] *Ocherki russkoy kul'tury XVII v.*, Moskva 1979, ch. 1, s. 145-165.
- Spasskiy I.G., „*Zolotyye*” – *voinskiye nagrady v dopetrovskoy Rusi*, [v:] I. Spasskiy, *Russkoye zoloto. Sbornik izbrannykh statey*, Sankt-Peterburg 2013, s. 187-251.
- Tatarskiy I.A., *Simeon Polotskiy (ego zhizn' i deyatel'nost')*. *Opyt issledovaniya iz istorii prosveshcheniya i vnutrenney tserkovnoy zhizni vo vtoruyu polovinu XVII veka*, Moskva 1886.
- Tanner B., *Opisaniye puteshestviya pol'skogo posol'stva v Moskvu v 1678 godu*, Moskva 2019.
- Tikhomirov M.N., *Kratkiye zametki o letopisnykh proizvedeniyakh v rukopisnykh sobraniyakh Moskvy*, Moskva 1952.
- Shiryakov I.V., *Russkiye nazvaniya zolotykh monet v XV-XVII vv.: obobshchennyye dannyye*, [v:] *Chetvertaya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya v g. Dmitrove 22-26 aprelya 1996 g. Tezisy dokladov*, Moskva 1996, s. 97-98.
- Vladieniya i krepostnyye krest'yane Russkoy tserkvi v kontse XVII veka*, Moskva 1988.
- Wójcik Z., *Traktat Andruszowski 1667 i jego geneza*, Warszawa 1959.
- Yuzefovich L.A., *Put' posla. Russkiy posol'skiy obyчай. Obikhod. Etiket. Tseremonial. Konets XV – pervaya polovina XVII v.*, Sankt-Peterburg 2007.
- Zabelin I.E., *Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh*, Moskva 1915, t. 1, ch. 2.
- Zabelin I.E., *Dopolneniya k Dvortsovyim razryadam*, Moskva 1882, ch. 1.

- Zverev S.V., *Obmen zolotykh chervonnykh dlya finansirovaniya Pervogo Krymskogo pokhoda*, [v:] *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ye. Problemy istochnikovedeniya. XVII Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashcto; IV chteniya pamyati A.A. Zimina. Moskva, 19-22 aprelya 2005 g.*, Moskva 2005, ch. 2, s. 311-313.
- Zhitye protopopa Avvakuma, im samim napisannoye, i drugiye ego sochineniya, Moskva 1960.
- Zverev S.V., *Osobennosti denezhnogo obrashcheniya na Yugo-Zapade Russkogo gosudarstva vo vtoroy polovine XVII v.*, [v:] *Narod i vlast': istoricheskiye istochniki i metody issledovaniya. Materialy XVI nauchnoy konferentsii*. Moskva, 30-31 yanvarya 2004 g., Moskva 2004, s. 188-191.
- Zverev S.V., *Finansovoye obespecheniye Pervogo Krymskogo pokhoda 1687 g.*, [v:] *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii (Sredniye veka i ranneye Novoye vremya): Sbornik statey pamyati akad. L.V. Cherepnina*, Moskva 2010, s. 918-924.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Александр Лаврентьев – кандидат исторических наук, доцент, Москва Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Лаборатория лингвосомиотических исследований, ведущий научный сотрудник; Департамент истории и теории литературы, преподаватель.

Избранные публикации: книги: *Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI-XVIII вв., их создатели и владельцы*, Москва 1998; *Царевич – царь – цесарь. Государственные печати, наградные знаки и медали Лжедмитрия I. 1604-1606 гг.*, Санкт-Петербург 2001; *Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв. Очерки истории русской крепости на Куликовом поле*, Москва 2005; *После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв.*, Москва 2011. **Статья:** *Corona Moscovitica ze Skarbca Koronnego epoki Wazów (wokół kwestii pochodzenia insygnium)*, „Kronika Zamkowa – Roczniki” 2015, № 2 (68), s. 7-30.

ORCID: 0000-0003-1476-0759

E-mail: laurentius@list.ru

Анастасия Преображенская – кандидат филологических наук, Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Департамент истории и теории литературы, преподаватель.

Публикации: „Зверонравные люди”: нравоучительные ехептла в проповедях Симеона Полоцкого, „Jezikoslovni Zapiski” 2018, т. 2, с. 161-178; *Авторские изменения в библейском тексте: цитаты в проповедях Симеона Полоцкого*, „Slověne” 2018, т. 7, № 1, с. 115-147; „Cast Thy Burden upon the Lord, and He Shall Sustain Thee”: *Consolatory Letter Practices at the Muscovy Tsar's Court in the Second Half of the Seventeenth Century*, „Cerae: An Australasian Journal of Medieval and Early Modern Studies” 2016, vol. 3, p. 1-21; *The Culture of Quoting in Simeon Polotsky's Epistles: Biblical Texts and Liturgical Books*, „Textus et Studia” 2015, № 4 (4), p. 127-141; „Прежде смерти наипаче внезапныя и напрасныя”: *духовная грамота Симеона Полоцкого*, „Древняя Русь. Вопросы медиевистики” 2015, № 2, с. 115-132.

ORCID: 0000-0003-1907-9057

E-mail: anastasja.preobrazhenskaya@gmail.com